

Александр Восьмой

**УЖАСЫ. В прицеле
(Оптима Окси Фаргус)**

Александр Восьмой

**УЖАСЫ. В прицеле
(Оптима Окси Фаргус)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ. В прицеле (Оптима Окси Фаргус) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Снайперская пара занимает позицию на руинах высоты, но цель не появляется. Вместо этого они замечают, что отражения в бинокле показывают не то, что впереди, а то, что уже случилось. И в этих отражениях они видят себя — но уже мёртвыми.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

УЖАСЫ. В прицеле (Оптимист Фангус)

Глава 1. «Призрачный прицел»

Ветер гулял по руинам высоты, выстукивая по оголённым арматурным прутьям ритм, похожий на отсчёт. Где-то внизу, в провалах улиц, шевелилась пыль — будто город дышал, медленно и тяжело, как раненый зверь. На верхнем этаже, среди обломков перекрытий и ржавых балок, снайперская пара заняла позицию.

Арс прильнул к прицелу, пальцы привычно легли на регулировочные барабаны. Его напарница, Кира, замерла рядом, прислушиваясь не к улице, а к тишине — той особой тишине, которая бывает только перед чем-то страшным. Цель должна была появиться на перекрёстке через семь минут. Они ждали уже двадцать.

— Тишина слишком ровная, — прошептала Кира, не поворачивая головы. — Как будто город выключил звук.

Арс хмыкнул, но в груди шевельнулось неприятное чувство. Он поднёс бинокль, чтобы осмотреть сектор, и замер.

В линзах не было улицы. Не было перекрёстка, не было руин напротив. Вместо этого бинокль показывал вспышки — короткие, резкие, как удары молнии. Вспышки выстрелов. Тени бежали по асфальту, падали, снова поднимались и снова падали. Это была не текущая реальность — это было прошлое. Город отдавал свои воспоминания, как проклятие.

Кира заметила его застывшую руку.

— Что там?

— Не знаю, — голос Арса прозвучал хрипло, будто ему не хватало воздуха. — Это не то, что впереди. Это то, что уже было.

Он протянул ей бинокль. Кира поднесла его к глазам — и мир в стекле снова переменялся. Она увидела тот же перекрёсток, ту же пыль, те же тени. Но в центре кадра, среди бегущих фигур, стояли двое. Мужчина и женщина. Их позы были неестественно неподвижны. Лица застыли в выражении, которое нельзя спутать ни с чем: это была смерть.

И эти двое были они.

Кира резко опустила бинокль. Её пальцы дрогнули, но она тут же сжала их в кулаки, возвращая себе контроль.

— Это какая-то оптика, — сказала она, скорее убеждая себя, чем Арса. — Искажение. Отражение. Что угодно.

Но Арс уже знал: это не искажение. Это трещина. Реальность здесь дала трещину, и сквозь неё проглядывало неизбежное.

Он снова поднёс бинокль к глазам, будто надеялся, что картинка изменится. Но она осталась прежней: вспышки, бег, падения — и в центре двое неподвижных, застывших навсегда.

— Мы должны уйти, — тихо сказала Кира.

— Нет, — Арс опустил бинокль и посмотрел на улицу своими глазами. Там было пусто. Слишком пусто. Как будто город ждал, когда они поверят в увиденное, чтобы сделать его настоящим. — Мы должны понять, что это. Пока это просто отражение. Пока оно не стало судьбой.

Ветер снова ударил по арматуре, и в этом звуке послышался смех — тихий, издевательский, будто город знал, что они уже проиграли.

Арс проверил винтовку. Затвор щёлкнул, как захлопнувшаяся ловушка.

— Держи сектор, — сказал он Кире. — Если что-то появится — стреляй. Даже если это будет просто тень.

Кира кивнула, но её взгляд на секунду вернулся к биноклю, лежащему между ними, как улика в деле, где нет ни подозреваемых, ни свидетелей — только приговор.

Город молчал. Но молчание это было полным смыслом. Оно говорило: вы уже здесь были. Вы уже проиграли. И сейчас вы снова идёте по тем же шагам, не зная, что каждый из них приближает вас к тому, что вы только что видели в стекле.

Время текло, как песок сквозь пальцы, и каждый его миг казался последним. Где-то в глубине руин что-то зашевелилось. Не ветер. Не пыль. Что-то живое. Или то, что притворялось живым.

Арс поднял винтовку. Прицел поймал пустоту. Но в этой пустоте уже проступали очертания будущего — того самого, что было отражено в бинокле.

Они ещё не знали, что город не просто показывал им смерть. Он предлагал им выбор: поверить и сдаться — или сражаться с тем, что уже случилось. И в этом выборе была вся их надежда. И весь их страх.

Глава 2. «Эхо, которое стреляет»

Спуск с высоты напоминал движение сквозь застывшее время: каждый шаг отдавался не просто звуком, а событием. Арс шёл первым, прижимая винтовку к плечу, будто она могла защитить не только от пуль, но и от того, что здесь пряталось в звуках. Кира держалась позади, её пальцы сжимали рукоять пистолета так, что побелели костяшки. Они старались ступать по обломкам бетона и ржавым листам так, чтобы не было ни удара, ни скрежета — только мягкое, почти незаметное касание. Но город не прощал даже шёпота.

— Не дыши слишком громко, — тихо бросил Арс, не оборачиваясь.

Кира кивнула, хотя он не видел. Она и сама чувствовала: тишина здесь была не отсутствием звука, а давлением. Как будто воздух сгустился и ждал, когда кто-то нарушит равновесие. И стоило нарушить — оно мстило.

Они добрались до лестничного пролёта между седьмым и шестым этажами. Арс замер, прислушиваясь. Где-то внизу, в глубине здания, раздался звук — чёткий, сухой хлопок, похожий на выстрел. Только он не пришёл извне. Он будто родился в самом пространстве.

И тут же что-то просвистело мимо лица Арса. Пуля. Реальная, горячая, со свинцовым запахом пороха. Она ударила в стену за его спиной, выбив фонтанчик каменной крошки.

Арс прижался к стене, сердце колотилось где-то в горле.

— Это невозможно, — прошептала Кира, глядя на вмятину в бетоне. — Мы не слышали выстрела. Мы не видели стрелка.

— Здесь не нужен стрелок, — голос Арса звучал жёстко, но в нём дрожала нота ужаса. — Здесь стреляет само прошлое.

Он вспомнил бинокль, отражения, мёртвые фигуры. Теперь он понимал: город не просто показывал им будущее — он сшивал прошлое и настоящее в один узел, и каждый звук, однажды прозвучавший в этих стенах, мог вернуться как событие. Выстрел, прогремевший неделю назад, снова находил цель.

Они двинулись дальше, теперь уже не просто тихо — бесшумно. Арс ставил ногу на носок, переносил вес, проверял опору. Каждый сантиметр давался как победа. Но чем тише они становились, тем громче звучал город. Тишина здесь была приманкой: она притягивала то, что пряталось между ударами сердца.

На площадке пятого этажа Кира вдруг остановилась. В воздухе висело что-то, похожее на рябь, как над раскалённым асфальтом. Только эта рябь двигалась не вверх, а по кругу, словно водоворот из воздуха. И из этого водоворота доносились обрывки звуков: чей-то крик, лязг затвора, короткий, сдавленный стон.

Из ряби шагнула фигура.

Она не была человеком. Она была собрана из звуков и воспоминаний: очертания тела мерцали, как помехи на старом экране, а вместо лица — вихрь шёпотов. Фигура подняла руку,

и в ней материализовался пистолет — не из металла, а из сгущённого звука, похожий на застывшую волну.

«Эхо-противник», — пронеслось в голове у Арса. Существо, сотканное из отзвуков и воспоминаний, из чужих последних секунд.

Фигура выстрелила.

Звук выстрела ударил по ушам, как молот, а пуля, сотканная из прошлого, полетела прямо в Киру. Арс рванулся вперёд, толкнул её в сторону. Пуля просвистела в сантиметре от её виска и врезалась в колонну, рассыпавшись на искры, похожие на осколки стекла.

Кира упала на колени, но тут же вскочила, вскидывая пистолет. Она выстрелила в фигуру. Пуля прошла сквозь неё, не причинив вреда — словно ударились о воздух.

Существо не имело плоти. Его нельзя было убить обычной пулей.

Но оно реагировало на звук. На намерение. На страх.

Арс понял это в ту же секунду. Он поднял винтовку, прицелился не в тело, а в центр ряби, туда, где крутились шёпоты, и нажал на спуск. Выстрел прозвучал оглушительно, как раскат грома в замкнутом пространстве. И эхо от него ударило не назад, а вперёд — в само существо. Фигура вздрогнула, её очертания поплыли, рассыпаясь на отдельные звуки: крик, щелчок, вздох. И исчезла.

Тишина вернулась, но теперь она была другой — не давящей, а насторожённой, будто город обдумывал новый ход.

— Оно слышит нас, — прошептала Кира, всё ещё дрожа от адреналина. — Не наши шаги. Не наши голоса. Оно слышит, как мы боимся.

Арс кивнул. Он чувствовал это кожей: каждый всплеск страха, каждая мысль, окрашенная ужасом, становилась маяком для города.

— Значит, мы должны перестать бояться, — сказал он, хотя сам не верил в свои слова.

Они продолжили спуск, теперь уже зная: тишина — это не отсутствие звука, а оружие. А страх — это сигнал, который город ловит и использует против них.

На первом этаже, у выхода в разбитый вестибюль, Арс остановился. Перед ними лежала улица — серая, пустая, с обломками асфальта и ржавыми каркасами машин. Ветер гнал по ней обрывки бумаги, и каждый их шорох казался предупреждением.

— Мы не можем идти так вечно, — сказала Кира. — Рано или поздно мы что-то заденем. Что-то уроним. И тогда...

— Тогда мы будем готовы, — перебил её Арс. Он посмотрел ей в глаза, и в этом взгляде было больше, чем приказ. Это была просьба держаться. Не сломаться. Не дать городу стереть их, как он стирает всех остальных.

Они шагнули в дверной проём. Ветер ударил в лицо, принося запах пыли и чего-то горького, похожего на пепел. И в этот момент где-то далеко, на соседней улице, снова прозвучал выстрел. Не из настоящего. Из прошлого. И они оба знали: он найдёт свою цель, если они не научатся быть тише, чем собственное сердце.

Город ждал. Он был терпелив. Он знал, что рано или поздно любой звук станет роковым.

Глава 3. «Карта, которая помнит раны»

Улицы тянулись вперёд, как трещины в застывшем стекле — ломанные, безжизненные, будто город давно перестал быть местом для людей и превратился в надгробие самого себя. Арс и Кира двигались вдоль бетонного забора, где ржавые ворота КПП когда-то открывали путь в жилой квартал. Теперь эти ворота висели на одной петле, скрипели на ветру — и этот скрип звучал не как обычный звук, а как чей-то сдавленный стон, вырвавшийся из самой земли.

КПП был пуст, но не безмолвен. В воздухе висела тяжесть, словно здесь осели все крики, когда-либо прозвучавшие в этом районе. Арс первым шагнул внутрь, держа винтовку наготове, но его взгляд сразу зацепился за стол у стены. На нём лежала карта — не обычная, не бумаж-

ная, а будто вырезанная из тёмного стекла или полированного обсидиана. По её поверхности змеились линии, но это были не улицы и не проспекты. Это были шрамы.

— Не трогай, — тихо сказала Кира, но Арс уже протянул руку.

Его пальцы коснулись одной из линий — тонкой, пульсирующей, будто под стеклом бился чужой пульс.

В ту же секунду мир исчез.

Он не увидел картинку — он почувствовал. Холод металла, прижатого к виску. Вкус крови, густой и солоноватый, на губах. Запах гари, въевшийся в одежду, в кожу, в лёгкие. И тяжесть потери — не абстрактную, а физическую, будто кто-то вырвал из груди кусок плоти. Перед глазами мелькнули обрывки: вспышка, крик, падающее тело в знакомой куртке... его собственное тело.

Арс отдёрнул руку, тяжело дыша. Ладонь горела, будто её прижгли раскалённым железом.

Кира смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Что ты видел?

— Всё, — хрипло ответил он. — И ничего. Это не воспоминания. Это... раны. Каждый шрам на карте — это чья-то смерть. Чья-то боль. И город хранит их все.

Кира осторожно подошла ближе, но не стала прикасаться. Она наклонилась, вглядываясь в извилистые линии. Некоторые из них пульсировали чаще, другие едва мерцали, будто их боль уже выпцвела от времени. Но были и такие, что горели тёмно-красным светом — свежие, ещё не остывшие.

— Смотри, — прошептала она, указывая на один из шрамов, который тянулся через весь центр карты, словно разлом. — Он ведёт прямо к старой ратуше. И он пульсирует сильнее остальных.

Арс кивнул. Он уже чувствовал это: там, в глубине города, что-то ждало. Не просто враг. А сама суть этого места — живой архив боли, который не позволял никому уйти, не заплатив свою цену.

— Если карта помнит каждую смерть, — тихо сказал он, — значит, она помнит и нас.

Кира подняла на него взгляд, в котором читался не страх, а холодная решимость.

— Значит, нам нужно сделать так, чтобы она нас забыла.

Они снова посмотрели на карту. Теперь она казалась не просто артефактом, а ловушкой. Каждый, кто касался её, оставлял на ней свой след. Каждый, кто задерживался здесь слишком долго, становился частью её памяти. Город не хотел их убить — он хотел вписать их в свою историю, сделать ещё одним шрамом на своей поверхности.

Арс осторожно перевернул карту, надеясь найти обратную сторону, где будут обычные улицы, привычные ориентиры. Но и там были только шрамы — только теперь они складывались в другой узор, похожий на лабиринт. И в самом центре этого лабиринта, в крошечной точке, пульсировала тьма.

— Это не карта города, — прошептала Кира. — Это карта его памяти. И мы на ней уже есть.

Арс сжал кулаки. Он понимал: чтобы выжить, им нужно не просто найти выход. Им нужно стереть себя из памяти города. Стать невидимыми. Бесследными.

Но как стереть то, что уже оставило рану?

Внезапно карта дрогнула. Линии на ней зашевелились, переплетаясь, меняя направление. Один из шрамов потянулся к краю, где стояли Арс и Кира, и начал медленно расти, словно город пытался дотянуться до них, чтобы навсегда зафиксировать их присутствие.

— Уходим, — резко сказал Арс, хватая Киру за руку. — Сейчас.

Они рванулись к выходу, но дверь КПП вдруг захлопнулась сама собой, с глухим ударом, от которого задрожали стены. Замки щёлкнули, будто кто-то невидимый запер их изнутри.

Карта на столе тихо зазвенела, как натянутая струна, и шрамы на ней вспыхнули ярче, окрашивая комнату в багровый свет.

— Он не хочет, чтобы мы уходили, — прошептала Кира, прижимаясь спиной к двери.

Арс огляделся. В углу он заметил старый огнетушитель. Не раздумывая, он схватил его и швырнул в стол. Стекло треснуло, разлетевшись на осколки, но шрамы не исчезли — они перетекли на пол, извиваясь, как живые змеи.

— Ломаем не карту, — крикнул Арс. — Ломаем память!

Он поднял винтовку и выстрелил в один из самых ярких шрамов. Пуля ударилась в пол, высекая искры, и на мгновение шрам погас. Но тут же вспыхнул снова, будто смеясь над их попыткой.

Кира поняла. Она достала из кармана зажигалку и поднесла пламя к одному из осколков. Стекло зашипело, почернело, и линия на нём начала тускнеть, словно боль, наконец, отпускала свою хватку.

Они работали быстро, молча, разбивая осколки и сжигая их, стирая каждый след, который город успел на них оставить. С каждым уничтоженным шрамом воздух становился чуть легче, тьма отступала, а дверь КПП медленно приоткрылась, будто город на секунду ослабил хватку.

Когда последний осколок почернел и рассыпался в пепел, тишина стала настоящей. Не давящей, не зловещей, а просто тишиной.

Арс и Кира вышли на улицу, тяжело дыша, с опалёнными руками и пустыми глазами, в которых отражалась не только усталость, но и понимание: они выиграли лишь один раунд. Город помнил слишком многое, чтобы так просто их отпустить.

Ветер снова поднялся, гоня по асфальту обрывки бумаги и пыль. Но теперь в этом ветре не было шёпота. Только холодный, чистый воздух.

— Мы стёрли себя, — тихо сказала Кира.

— На время, — поправил её Арс, глядя на горизонт, где небо темнело, обещая новую бурю. — Но город не забывает. Он просто ждёт.

И они пошли дальше, зная, что каждый их шаг снова оставляет след. И что рано или поздно город снова найдёт их — если они не найдут способ навсегда исчезнуть из его памяти.

Глава 4. «Перекрёсток слепых огней»

Они шли по улице, которая больше не была улицей — скорее, коридором из руин, где каждый поворот будто стёр сам себя, оставляя только намёк на то, куда нужно идти. Арс шагнул первым, его взгляд скользил по фасадам, выискивая хоть какой-то ориентир, но дома смотрели на них пустыми провалами окон, словно не узнавали даже самих себя. Кира держалась чуть позади, её пальцы нервно сжимали рукоять пистолета — не потому, что она ждала врага, а потому, что тишина стала слишком громкой.

И вот впереди возник перекрёсток. Не обычный, не безликий, как все остальные, — этот дышал. Над ним, на покосившихся столбах, висели светофоры. Их линзы были покрыты пылью, будто веки, которые вот-вот поднимутся. И они поднимались.

Красный вспыхнул первым — резко, без предупреждения, как удар по нервам. За ним последовал жёлтый, потом зелёный. Но ритм был не механическим: он совпадал с чем-то глубоким, тяжёлым, будто светофоры мигали в такт дыханию самого города — медленному, прерывистому, зловещему.

— Стой, — тихо сказал Арс, поднимая руку.

Кира замерла. Она тоже это почувствовала: не просто свет, а команду. Красный — не просто «стоп», а «умри». Жёлтый — не «внимание», а «сомневайся». Зелёный — не «иди», а «двигайся, если осмелишься».

Они стояли, не решаясь ступить на перекрёсток, и в этой нерешительности город нашёл свою добычу.

Арс шагнул на переход. Зелёный свет заливал его фигуру, делая её почти прозрачной. Он сделал три шага — и вдруг остановился, будто натолкнулся на невидимую стену.

— Что... что я хотел сказать? — пробормотал он, хмурясь. — Я только что... забыл.

Кира шагнула к нему, но жёлтый свет скользнул по её лицу, и на секунду ей показалось, что она забыла, зачем пришла сюда. Имя. Она забыла имя напарника. На долю мгновения. Но этого хватило, чтобы холод пробрал до костей.

Красный снова вспыхнул. И в тот же миг они оба почувствовали, как что-то внутри них щёлкнуло — словно из памяти вырвали страницу. Не событие, не дату, а ощущение: тепло рук матери, запах дождя, чувство, что тебя ждут дома. Что-то маленькое, но жизненно важное. И оно исчезло.

— Мы не можем здесь оставаться, — голос Киры звучал хрипло, будто она долго кричала и сорвала голос.

Но когда они повернулись, чтобы уйти, улицы позади них уже не было. Там, где только что лежали обломки асфальта и ржавые каркасы машин, теперь тянулась та же самая дорога, те же руины, тот же перекрёсток — как будто они и не уходили.

Они снова стояли перед светофорами.

Цикл замкнулся.

Зелёный вспыхнул. Арс сделал шаг, и в этот раз он почувствовал, как из его сознания ускользает слово. Просто слово — обычное, повседневное. «Винтовка». Он знал, что держит её, чувствовал вес, холод металла, но само слово исчезло, оставив только образ, пустой и холодный.

Кира смотрела на него, и в её глазах читался ужас не от опасности, а от понимания: город не пытался их убить сразу. Он стирал их по частям. Сначала воспоминания, потом ощущения, потом слова. А когда не останется ничего, кроме функции, они станут просто стрелками. Просто целями. Просто жертвами.

— Это ловушка, — прошептала Кира, сжимая виски пальцами, будто пыталась удержать мысли, которые ускользали, как вода сквозь пальцы. — Мы ходим по кругу. И каждый раз теряем что-то.

Арс кивнул. Его лицо было напряжённым, но в глазах горела упрямая искра.

— Значит, мы должны разорвать цикл. Не идти на зелёный. Не сомневаться на жёлтый. И не замирать на красный.

Он поднял винтовку и прицелился не в противника, а в сам светофор. Не для того, чтобы выстрелить, а чтобы показать: они не подчиняются.

— Город отдаёт команды светом, — сказал он, не опуская оружия. — Значит, мы должны перестать видеть.

Кира поняла его замысел. Она достала из рюкзака плотную ткань и протянула Арсу. Они завязали глаза, оставив лишь узкую щель, чтобы видеть силуэты, но не цвета. Теперь светофоры превратились в размытые пятна света, лишённые власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.